

стварэнне плана межаў вёскі Следзюкі 1605 г. можна ўпэўнена звязваць з правядзеннем у 1604 г. новых межаў паміж маёнткам Баркулабаў і Магілёўскай эканоміяй.

Па сваёй форме план межаў вёскі Следзюкі мала чым нагадвае сучасную карту. Аднак ён мае прамыя аналогіі ў межавой картаграфіі ВКЛ пачатку XVII ст. [1, с. 139, 280] і, па ўсёй верагоднасці, можа лічыцца дастаткова тыповым для сваіх рэгіёна і эпохі. Варта таксама дадаць, што план межаў вёскі Следзюкі з'яўляецца вельмі блізкім «земляком» і сучаснікам знакамітага твора старажытнай беларускай літаратуры – Баркулабаўскага летапісу, што ў пэўнай ступені павышае інтарэс да яго.

Знаходкі ўказаных карт у фондах НГА Беларусі яскрава сведчаць пра тое, што мэтанакіраванае выяўленне візуальных, у тым ліку картаграфічных, крыніц у дакументальных матэрыялах перыяду ранняга Новага часу з'яўляецца да цяперашняга часу актуальным і, несумненна, можа істотна ўзбагаціць айчынную гістарычную навуку.

1. Александровіч, С. Картаграфія Вялікага Княства Літоўскага ад XV да сярэдзіны XVIII стагоддзя / С. Александровіч. – Мінск : Тэхналогія, 2021. – 304 с.
2. Сліж, Н. Сямейныя адносіны і шлюбныя стратэгіі Саламярэцкіх у 16 – першай палове 17 ст. / Н. Сліж // Гістарычны альманах. – 2005. – Т. 11. – С. 86–121.
3. Янушкевіч, А. М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. : манаграфія / А. М. Янушкевіч. – Мінск : Медисонт, 2007. – 356 с.
4. НГА Беларусі. – Ф. 694 («Радзівілы, князі»). Воп. 4. Спр. 1556. 246 арк.
5. НГА Беларусі. – Ф. 1817 («Магілёўскі магістрат»). Воп. 1. Спр. 92. 393 арк.
6. НГА Беларусі. – Ф. КМФ-18 («Метрыка ВКЛ»). Воп. 1. Спр. 88. 299 арк.

Башнин Н.В., Резникова Т.В.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ И ПЛАНЫ XVII–XVIII ВВ. В МОНАСТЫРСКИХ ФОНДАХ: АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ¹

Историки в XIX – первых десятилетиях XXI в. использовали карты для изучения различных вопросов (К.А. Неволин, М.К. Любавский, С.Б. Веселовский, М.В. Витов, А.Н. Насонов, А.И. Копанев, В.Л. Янин, Н.А. Макаров). При их составлении ученые привлекали не только писцовые и переписные книги, акты, но и картографические материалы XVI–XVIII вв.

Другим направлением стало изучение средневековых карт. Так, Б.А. Рыбаков подробно рассматривает сведения карт, изучает их возможные первоисточники. Однако сами карты публикуются исключительно как иллюстративный материал. Автор не приводит данных о размерах карт, о бумаге, на которой они составлены. Ученый, очевидно, не ставил задачу публикации данных материалов как исторического источника [16]. В. Кивельсон изучила картографические чертежи XVII в. как источник по социальной и культурной истории, но они также выполнили только иллюстративную функцию в книге [6]. Автор при прочтении карт (РГАДА. Ф. 1209) пользуется точкам ориентированности (в отдельных случаях их несколько на одном чертеже). В качестве иллюстраций чертежи опубликованы в работах Н.В. Башнина и В.О. Яковлева [1, ил. 5, 10; 21, с. 144–145, 152–153, 160].

В последние десятилетия для составления карт ученые используют редакторы векторной графики (Adobe Illustrator или Corel Draw) [4; 5; 16; 17], ГИС-технологии [2; 18; 19] и привлекают материалы Генерального межевания [3; 20]. Использование современных технологий может оказать значительное влияние на исследование карт и чертежей, поскольку позволяет провести визуализацию путем совмещения исторической и современной карт.

В.С. Кусов внес значительный вклад в исследование и публикацию русских картографических материалов XVI–XVIII вв. [7; 9]. Каталог (здесь и далее издание 2007 г.), составленный ученым, по сути является незавершенным научно-критическим изданием чертежей Русского государства. В.С. Кусов разработал подробную классификацию и систему описания чертежей. Подход ученого (указание даты, заголовка, размеров бумаги, филиграней, набор текста, указание географической и владельческой привязки и др. [8, с. 68–71]) позволяет раскрыть информационный потенциал картографических материалов даже при отсутствии самого изображения, что дает возможность пользоваться Каталогом отчасти как публикацией этих источников. Ученый ввел понятие «русский географический чертеж» [8, с. 65] и систематизировал источники этого типа XVI–XVII вв. по территориальному принципу и масштабу. Классификация по географическим признакам общепринята, а разработка классификации по масштабу является прорывом, поскольку на большей части чертежей он отсутствовал. Наличие подробного научно-справочного аппарата ставит Каталог в один ряд с современными базами данных.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 20–78–10060.

Другой подход к публикации древнерусских чертежей продемонстрировал М.И. Мильчик. Ученый подробно изучил чертежи и планы, относящиеся к монастырям и их вотчинным землям. В своих работах он перепроверял сведения чертежей по другим имеющимся источникам (при их наличии). Более того, исследователь реконструировал планы некоторых церквей, когда это позволяли источники. Вместе с тем, в публикациях М.И. Мильчика нет единой системы передачи чертежей и планов. Безусловно, нужно учитывать отдаленность по времени издания статей друг от друга. Тем не менее, одни чертежи приводятся только в качестве иллюстрации, другие («План спорных земель Тихвинского посада 1678 г.», «План спорных земель Тихвинского посада 1679 г.» и «Неизвестный план Старой Ладogi 1706 г.») изданы как самостоятельные единицы с прочтением и расшифровкой [10; 11; 12; 13].

М.И. Мильчик произвел набор текста на вышеуказанных планах, пронумеровав каждую надпись. Затем он привел их в порядковом списке. В каждом случае нумерация ведется сверху вниз, но не четко слева направо. Где-то нумерация ведется по группам объектов на карте (как на «Плане спорных земель Тихвинского посада 1679 г.»). Нет классификации при присвоении номеров (например, вначале нумеруются все реки, согласно размеру, затем все дороги и т.д.). Такая валовая нумерация вполне уместна при передаче небольшого количества текста или для маленького плана. В данном случае чтение планов несколько затрудняется. Отметим, что для картографии XVII в., даже при ориентировании карты на север, было характерно нанесение надписей с привязкой к объекту, к которому относился текст. Это приводит к тому, что для прочтения текста необходимо поворачивать чертеж. Кроме описанного выше способа, М.И. Мильчик при изучении Каргопольской крепости использовал следующий способ публикации: совмещение современной (на 2008 г.) и исторической карт. Такой способ позволил соотнести и в какой-то степени визуализировать масштаб крепости и ее внутренних построек [11].

В упомянутых выше работах в первую очередь использованы документы Поместного приказа, Межевых фондов из РГАДА, а также из собраний в других архивохранилищах. Однако поиск географических чертежей возможен в монастырских фондах: яркой иллюстрацией того, какие документы могут в них храниться, является находка плана Тихвинского посада и монастырей. Обитатели в Средневековой Руси были активными хозяйствующими организациями, спорили из-за земельных угодий, соляных варниц, рыбных езов и тонь. В связи с некоторыми из этих споров (монастыря с другой обителью или со светским землевладельцем, или с крестьянами) возникали картографические материалы, часть которых выявлена.

В фонде Антониево-Сийского монастыря в РГАДА выявлен чертеж монастырских рыболовных угодий у впадения р. Сояны в р. Кулой. Документ датируется 1740-ми годами, поскольку в нем упомянут бывший архимандрит Порфирий, скончавшийся 6 января 1739 г. Этот источник подготовлен к публикации по следующим принципам: 1) публикуется фотография рукописи; 2) источник содержит объемный текст, который подготовлен к печати отдельно от фотографии; 3) текст передан слева направо в соответствии с расположением его на чертеже [14].

Итак, русские географические чертежи использовались следующим образом: 1) для составления современных карт, их использовали для поиска топонимов и гидронимов, установления их взаиморасположения; 2) как иллюстративный материал, при этом надписи на картах не прочитаны, часто качество печати не позволяет прочитать текст даже специалисту, размеры источника и другие археографические особенности не указаны; 3) в историографии предложены два типа публикации: а) В.С. Кусов дал археографическое описание и прочтение текстов, но без указания их последовательности расположения на чертеже, многие изображения остались неизданными, разработал методику осуществления документов такого типа; б) М.И. Мильчик наложил кальку с воспроизведением графики и прочтением надписей; 4) существует проблема последовательности чтения чертежа/плана; наложение кальки частично снимает этот вопрос, так как текст, прочитанный археографом, повторяет его расположение на иллюстрации, но при этом такие издания дорогостоящи и не всегда формат карты позволяет ее публиковать так, чтобы можно было читать; при публикации карты с разделением на изобразительную часть и текстовую такой проблемы нет, но, как сказано выше, существует проблема последовательности чтения документа.

В.С. Кусов в 1989 г. разработал порядок составления описания и легенды при публикации для русских географических чертежей XVI–XVII вв. Однако в «Правилах издания исторических источников в СССР» (М., 1990) указаний, как поступать с обширными текстовыми данными на картографических документах XVI–XVII вв. нет, в них средневековые картографические материалы по сути приравниваются к картам более позднего времени. В «Методических рекомендациях по публикации

архивных документов в печатном виде» (М., 2022) об издании карт сказано больше, но по-прежнему нет ни слова о том, как быть с русскими географическими чертежами XVI–XVII вв.

1. Башнин, Н. В. Переписные книги вотчин Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701–1702 гг.: Исследование и тексты / Н. В. Башнин. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2019 – 400 с.
2. Голубинский, А. А. Историк, ГИС и русские карты XVIII века / А. А. Голубинский [и др.] // Преподавание истории в школе. – 2012. – № 8. – С. 72–75.
3. Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия / подгот. Д. А. Черненко, А. А. Голубинский, Д. А. Хитров. – Тула : Аквариус, 2016. – 760 с.
4. Грязнов, А. Л. Картографирование территории Белозерского, Вологодского и Пошехонского уездов по материалам писцовых описаний XVI–XVII вв. / А. Л. Грязнов // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XVII веков». К столетию со дня рождения П. А. Колесникова. – М. , 2008. – С. 107–113.
5. Грязнов, А. Л. Суздальский уезд в первой трети XVII в. Атлас. / А. Л. Грязнов. – Владимир : Транзит-ИКС, 2014. – 36 с.
6. Кивельсон, В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века. / В. Кивельсон. – М. : НЛО, 2012. – 357 с.
7. Кусов, В. С. Московское государство XVI – начала XVIII века: Сводный каталог русских географических чертежей. / В. С. Кусов. – М. : Русский мир, 2007. – 699 с.
8. О составлении каталога русских географических чертежей XVI–XVII вв. / В. С. Кусов // Археографический ежегодник за 1989 год. – М., 1990. – С. 65–71.
9. Кусов, В. С. Чертежи Земли Русской XVI–XVII вв. : каталог-справочник. / В. С. Кусов. – М. : Русский мир, 1993. – 375 с.
10. Мильчик, М. И. Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI–XVIII веков: Статьи 1973–2017. / М. И. Мильчик. – СПб. : Коло, 2017. – 376 с.
11. Мильчик, М. И. Каргополь: Деревянная крепость и остроги по реке Онеге. Документы и графические реконструкции / М. И. Мильчик. – СПб., 2008.
12. Мильчик, М. И. Старая Ладога: Очерк градостроительной истории. Графические реконструкции и документы. / М. И. Мильчик. – СПб., 2014.
13. Мильчик, М. И. Тихвин: город позднего русского Средневековья. Очерк градостроительной истории. / М. И. Мильчик. – СПб., 2017.
14. Резникова, Т. В. Чертеж владений Сийского монастыря по рекам Кулой и Союна в материалах фонда 1196 «Антониев-Сийский монастырь» (РГАДА) / Т. В. Резникова // Поморские чтения – 2023.
15. Рыбаков, Б. А. Русские карты Московии XV– начала XVI века. / Б. А. Рыбаков. – М. : Наука, 1974. – 111 с.
16. Темушев, В. Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в.: Территориальные трансформации в пограничном регионе / В. Н. Темушев. – М. : Квадрига, 2009.
17. Темушев, В. Н. Московское великое княжество: территория и границы в конце XIII – первой половине XIV в. / В. Н. Темушев. – М. : Квадрига, 2022.
18. Фролов, А. А. Новгородские писцовые книги: источники и методы исследования / А. А. Фролов. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2017. – 648 с.
19. Фролов, А. А. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). Т. 1–3 / А. А. Фролов, Н. В. Пиотух. – М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2008.
20. Хитров, Д. А. Нечерноземный центр России в материалах Генерального межевания / Д. А. Хитров, А. А. Голубинский, Д. А. Черненко // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2011. – № 2. – С. 255–259.
21. Яковлев, В. О. Первая Исаакиевская церковь (1707–1727) в документах и свидетельствах Петровской эпохи / В. О. Яковлев. – СПб. : Исаакиевский собор, 2022. – 182 с.

Пушкарёва Н.Л.

УСТНЫЕ ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ КАК РЕСУРС ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЗАКРЫТЫХ СОВЕТСКИХ НАУКОГРАДОВ В ГОДЫ ОТТЕПЕЛИ¹

Нарратологический поворот, случившийся в гуманитарных науках полвека тому назад, убедил: функционирование различных форм знания можно понять только через рассмотрение их повествовательной (нарративной) природы [1]. Поэтому обращение к сравнительно недавней истории страны – исследованию обыденной жизни больших и малых советских городов в годы самых больших надежд и убеждения в правильном направлении социально-политического развития страны (то есть в 1950-е – 1960-е гг.) заставляет пытаться понять строй мышления наших соотечественников того времени именно через их рассказы. Это резко повышает значимость *устных историй*, не попавших на страницы воспоминаний или напечатанных интервью. Не секрет: женская память в этом отношении более избирательна и имеет свое своеобразие: женщины лучше мужчин запоминают детали эпизодов и описывают их (вербальная эпизодическая память), быстрее заявляют о готовности вспоминать и соглашаются на сам разговор [2, с. 132], точнее датируют воспоминания и используют более эмоциональные термины при их описании [3, с. 831–843; 4, р. 498–510; 5, р. 107–114]. Эти особенности заставили нас инициировать лонгитюдный проект, нацеленный на изучение женской памяти о периоде политической Оттепели (*поддержанный РНФ N 22-28-01428*). Велика роль в его реализации Общедоступного портала устных рассказов о городах России (Народная история России), а также сбор нами неструктурированных биографических интервью, в которых сами респондентки выделяли главное, а для нас был особенно важны воспоминания о жизни в годы так называемой Хрущевской оттепели.

¹ Подготовлено в рамках Программы НИР ИЭА РАН «Гендерные исследования: социально-исторические и культурно-антропологические перспективы».